

Её время

ИГРА О ТОМ,
КАК ВЕРНУТЬ СЕБЯ
И СОЗДАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ

ЛА
ОХНОВЕНИЕ
БОР

18+

Елизавета Граф

Её время

<https://litres.ru/74439327>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как часто мы хороним свои истинные желания, чтобы оставаться «хорошими» для родителей, мужей и общества? Мия всю жизнь была идеальной дочерью и образцовой отличницей. Став взрослой, она превратилась в классического «спасателя»: взвалила на плечи заботу об израненном муже, растворилась в детях и нелюбимой работе. Но однажды привычный день сурка прерывает колоссальная потеря, и железный контроль, который Мия выстраивала годами, дает трещину. Вместе с ним рушится и красивая картинка жизни её лучшей подруги, которая терпит домашнее насилие ради статуса в интернете. Это роман-манифест для каждой женщины, которая прямо сейчас застряла в бытовом капкане или созависимых отношениях. Путь Мии и её подруг доказывает: в 35 лет жизнь только начинается, а право быть неидеальной, но свободной и счастливой — это самая сильная любовь, которую женщина может подарить самой себе.

Содержание

Глава 1	4
«Цена безупречности»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елизавета Граф

Её время

Глава 1

«Цена безупречности»

Маленькая Мия росла в тихом, замкнутом мире, где правила бал исключительно женская воля. Её воспитывали мама Виктория и бабушка Аврора — две женщины, чьи характеры были выкованы тяжелыми, порой безжалостными ударами судьбы. Виктория занимала пост главы их небольшого посёлка. Она была из тех людей, про которых в обществе говорят с уважением и легкой опаской: «сделала себя сама». В её фигуре, суховатом голосе и манере смотреть прямо в глаза собеседнику сквозила монолитная, почти пугающая уверенность. Но эта сила не была врожденным даром — она стала тяжелой броней, призванной защищать старые, так и не затянувшиеся раны.

Детство самой Виктории прошло под знаком глубокой чужой беды, ставшей её собственным фундаментом. Её мать, Аврора, в свое время совершила роковую ошибку, выйдя замуж за человека ненадежного и жестокого. После восьми лет

несчастливого брака, наполненного бесконечными запоями, скандалами и домашним насилием, этот человек просто исчез, оставив жену и маленькую дочь на произвол судьбы.

Виктория на всю жизнь запомнила ту душную, гнетущую атмосферу их старого дома: безмолвную, серую материнскую боль и жгучий, липкий стыд перед соседями, от взглядов которых невозможно было укрыться в маленьком поселке. Этот стыд не сломал девочку, а переродился в яростное, почти болезненное желание доказать всему миру свою значимость. Пока другие дети беззаботно играли во дворе, Вика часами сидела за учебниками при свете настольной лампы. Она росла бескомпромиссной активисткой, старостой, и её звонкий, уверенный голос был слышен на каждом школьном собрании. Это не было обычной тягой к знаниям — это была отчаянная, неосознанная попытка компенсировать крах собственного отца, безмолвный крик обиды: «Посмотри, какая я, посмотри, от кого ты отказался!».

Однако на самом дне души Виктории, рядом с обидой на отца, жило глухое, несправедливое осуждение матери. Вика тайно презирала Аврору за слабость и мягкотелость. Ей казалось, что мать проявила глупость, что она просто плохо старалась и уступила обстоятельствам вместо того, чтобы жестко переломить их и сохранить семью. Из-за этих невылеченных детских травм Виктория выросла женщиной со сложным, тяжелым характером. Она была невероятно требовательна к окружающим и принципиально не признавала

за людьми права на слабость или ошибку. Но судьба любит злую иронию: в восемнадцать лет эта железная, неприступная девушка совершила ту же оплошность, что и её мать. Она безоглядно, до полной потери разума, влюбилась.

Влад приехал из большого города на лето, чтобы навестить своих поселковых родственников. Он был классическим столичным франтом, резко выделявшимся на общем провинциальном фоне: высокий, статный, с глубокими синими глазами и мужественными, резко очерченными чертами лица. От него веяло внутренней стойкостью, легким лоском и той уверенностью, которая так легко подчиняет себе молодых, неопытных девушек.

Их первая встреча произошла теплым июльским вечером. Влад отдыхал на террасе соседского дома и увлеченно, с легким апломбом рассказывал родственникам о своей яркой городской жизни, учебе и грандиозных планах на будущее. Виктория, шедшая мимо к бабе Вале за молоком, случайно услышала этот разговор и замерла у забора, очарованная его голосом и интонациями. Не желая мешать чужой беседе и выдавать своего присутствия, она тихо присела на скамейку в стороне, превратившись в безмолвную слушательницу.

Влад заметил её почти сразу. На фоне поселковых девушек Виктория выделялась своей строгой, немного отстраненной красотой: благородная бледность кожи, тонкие светлые волосы и огромные, серьезные карие глаза, в которых не было привычного кокетства. Тоненькая, даже худощавая,

она, тем не менее, держалась удивительно строго и гордо.

Окончив свой рассказ, Влад уверенно подошел к ней и предложил прогуляться до реки. Он был старше её на пять лет — огромная пропасть для юной девушки, — но Виктория, вопреки всей своей привычной осторожности и замкнутости, тихо согласилась.

Впервые в жизни, просто взглянув на мужчину, она почувствовала, как внутри всё переворачивается, а сердце начинает бешено, удушающе биться в груди. Во время их долгих прогулок по вечерним аллеям Влад умело поддерживал этот образ идеального мужчины. Он засыпал её обещаниями, красочно описывал, как заберёт её с собой в город, как они совьют общее уютное гнездышко. При этом он никогда не упускал случая упомянуть о собственных достоинствах, связях и успехах. Это был эгоцентричный, самовлюбленный молодой человек, привыкший быть центром вселенной и брать от жизни лучшее. Но Виктория, ослепленная чувствами, слушала его, затаив дыхание. Ей казалось, что если он скажет ещё хоть одно лишнее, слишком личное или нежное слово, она просто упадет в обморок от нахлынувших чувств. Она твёрдо решила для себя: это любовь с первого взгляда и на всю жизнь.

С того самого дня они стали неразлучны. Впервые Вика напрочь забыла о книгах, конспектах и подготовке к тяжелым вступительным экзаменам, которые раньше казались ей единственным смыслом существования. Ей искренне вери-

лось, что она наконец обрела своё долгожданное, выстраданное счастье, а реальная жизнь состоит не только из бесконечной гонки за карьерой, баллами и отличными оценками.

Но на исходе августа сказка оборвалась самым жестоким образом.

Виктория, как обычно, пришла к бабе Вале за молоком и случайно подслушала разговор, происходивший на веранде. Влад и пожилая соседка о чем-то горячо, на пониженных тонах спорили. Они увлеченно обсуждали его маленького сына и то, как именно сложится жизнь мужчины после предстоящего судебного развода. Увлечшись дискуссией, они совершенно не заметили подошедшую к калитке Викторию. Девушка замерла, не в силах сделать ни шагу, словно подкошенная. Сердце, ещё минуту назад порхавшее от предвкушения встречи, внезапно остановилось, превратившись в ледяной камень. В голове вихрем закружились мучительные, разрывающие сознание вопросы:

«Он был женат? У него есть ребенок? Он разводится? Но почему, почему он ничего мне не сказал? Почему он столько недель молчал?».

В этот страшный миг пальцы Виктории разжались, и стеклянная банка выскользнула из её ослабевших рук. Громкий, дребезжащий звон бьющегося стекла эхом разнесся по двору, заставив спорящих испуганно обернуться. Виктория резко развернулась, собираясь бежать прочь, чтобы спрятать свой позор и боль, но Влад успел перехватить её. Он подбе-

жал со спины и крепко, удержал её за плечи, не давая вырваться.

— Вика, стой! Я тебе сейчас всё объясню, — тяжело и прерывисто дыша, заговорил он ей в затылок.

Виктория с силой высвободилась из его рук и повернулась к нему лицом. Её взгляд, ещё вчера лучившийся нежностью, стал ледяным и чужим:

— Что именно ты хочешь мне объяснить? То, почему скрыл от меня свой брак? Или то, почему ни словом не обмолвился о существовании сына?

— Всё очень сложно, Вик... — Влад растерянно запустил пальцы в волосы, его столичный лоск мгновенно испарился. — Я просто не хотел тебя спугнуть, потерять. Ты мне действительно безумно нравишься. Ты удивительная, необыкновенная девушка, я никогда в жизни не встречал таких, как ты! Но пойми меня правильно...

Лицо Влада изменилось, в глазах блеснули настоящие, непролитые слезы, а губы едва заметно задрожали. В этот момент он выглядел абсолютно искренним и глубоко несчастным человеком, запутавшимся в собственных ошибках.

— Понимаешь, я был слишком молод и совершил глупость, — тихо, заглядывая ей в глаза, продолжил он. — Я искренне думал тогда, что это настоящая любовь. Свадьбу сыграли всего после трёх месяцев знакомства, поддались порыву. А потом начался быт. Я слишком много работал, стро-

ил карьеру, неделями не бывал дома и не уделял ей должного внимания. А недавно я вернулся, и она просто ошарашила меня новостью о разводе. Сказала, что уже давно встретила другого мужчину. Я ехал сюда, чтобы просто прийти в себя.

По его щеке покатилась одинокая тяжелая слеза. Виктория шумно, прерывисто выдохнула. Обида, едва не разрушившая её первую любовь, под воздействием его слез мгновенно улетучилась, а угасающее было чувство вспыхнуло с новой, непреодолимой силой. Ей стало безумно жаль его. Поддавшись слепому порыву, она сделала шаг вперед и крепко обняла его за шею.

— Ты ни в чём не виноват, — прошептала она, прижимаясь к его плечу. — Мне так жаль, что с тобой это случилось...

Они ещё долго стояли в обнимку посреди безмолвного двора, согревая друг друга в наступающих сумерках. Позже Влад проводил её до самого дома. Виктория сразу легла в постель, но желанный сон к ней упорно не шёл. В её мыслях, несмотря на примирение, что-то упорно не сходилось, вызывая глухую, интуитивную тревогу. Она ворочалась с боку на бок, задаваясь вопросами, которые кололи изнутри. Почему он упорно называл свою пока ещё законную жену безликими местоимениями, будто у неё вовсе не было имени? Почему так вскользь, почти равнодушно и мимоходом упомянул собственного маленького сына?

Однако вскоре она силой заставила себя отбросить эти сомнения, посчитав их глупой ревностью.

«Сейчас ведь всё хорошо, — успокаивала она свое растревоженное сердце. — Он рядом, он любит меня, а я люблю его. Скоро мы вместе уедем в город, и всё это останется в прошлом». С этой убаюкивающей мыслью она наконец забылась тяжелым сном.

Их счастливый роман беззаботно длился до самой осени. Но однажды, во время очередной вечерней прогулки под остывающим небом, Виктория всё же решила прояснить то, что так долго не давало ей покоя: когда именно они поедут в город и как обустроят свою жизнь. Ответ Влада прозвучал как гром среди ясного неба. Абсолютно спокойным, будничным тоном он сообщил, что по работе появились срочные, неотложные дела и ему нужно уехать. Уже завтра утром. Мужчина поспешил заверить испуганную девушку, что, решив все вопросы с разводом и делами, он обязательно вернётся за ней, а пока пообещал непрерывно звонить и писать. В этот момент сердце Виктории будто ухнуло в бездну, а к горлу подступил удушающий комок:

— Но как я буду здесь одна без тебя? — со слезами вырывалось у неё.

— Это ненадолго, — попытался отмахнуться Влад, избегая её прямого взгляда. — Ну я же пообещал тебе: буду звонить, писать. А теперь давай я тебя провожу, мне ещё нужно успеть собрать вещи к утреннему автобусу.

Она лишь молча кивнула, чувствуя, как внутри всё начинает медленно каменеть. Обратный путь к дому они проде-

лали в гнетущей, звенящей тишине.

Следующее утро выдалось тяжёлым. Несмотря на яркое солнце, заливавшее поселок, мир вокруг казался Виктории серым, унылым и бесконечно одиноким. На кухне Аврора уже привычно варила кашу — для их маленькой семьи ранний подъём всегда был незыблемым ритуалом. Заметив, что дочь до сих пор не вышла к завтраку и всё ещё неподвижно лежит в постели, Аврора встревоженно направилась в её комнату.

Аврора была женщиной, умудренной горьким и страшным жизненным опытом. Пережив в молодости кошмар с мужем-тираном, она больше так и не решилась выйти замуж, относясь к людям, а особенно к чужакам, с крайней осторожностью. Она подолгу присматривалась к деталям, сопоставляла факты, вслушивалась в интонации разговоров. Влад не понравился ей с первой же мимолетной встречи — сквозь его напускное, приторное обаяние отчётливо проступал глубокий, холодный эгоизм человека, который видит только себя. Свою дочь Аврора любила больше жизни, в этой любви заключался весь смысл её израненного существования. Она принимала всю боль Виктории как собственную и втайне годами винила себя за то, что когда-то не смогла дать девочке полноценную, защищенную семью.

— Викусь, ты заболела? — Аврора тихо приоткрыла дверь в полутемную комнату. — С тобой всё хорошо?

— Мам, со мной всё нормально, — глухо отозвалась Ви-

ка, демонстративно отвернувшись к стене. — Иди готовь. Я просто хочу полежать, у меня нет настроения.

Старшая женщина сделала осторожный шаг вглубь комнаты и присела на край кровати:

— У вас что-то случилось с Владом? Я видела вчера, какими вы вернулись. Да и весь посёлок об этом только и гудел. Он тебя обидел?

— Да ничем он меня не обидел! — вдруг яростно вспыхнула Вика, резко приподнявшись на локтях. В её глазах зажегся оборонительный огонь. — Он просто уехал по важным делам. Скоро он вернётся и заберёт меня, ясно вам всем?! Перестаньте меня допрашивать!

Аврора ничего не ответила. С глубокой, неизбывной грустью в глазах она поднялась и молча вышла обратно на кухню. В её душе болезненным эхом отозвалась эта вспышка, но ранила её не грубость дочери, а страшное понимание ситуации. Женщина раз за разом прокручивала в голове свои невесёлые мысли:

«Такой напыщенный, слишком самоуверенный... Навешал лапши девчонке и уехал. Не позвонит ведь. А Вика влюбилась без памяти, как я когда-то».

Ей было невыносимо жаль дочку, которая, сама того не ведая, угодила в ловушку слепой, идеализированной любви. Но Аврора решила попридержать свои опасения и дать дочери время прийти в себя, в глубине души слабо надеясь, что она ошибается.

Спустя месяц Аврора стала замечать страшные изменения в поведении дочери. Виктория спала сутками напролёт, погружаясь в тяжелую апатию, почти ничего не ела, а на кухонные запахи и вовсе смотрела с явным, непреодолимым отвращением.

— Викусь, прекращай так изводить себя, — мягко, но настойчиво позвала Аврора, заглянув в комнату в один из дней. — Пошли на кухню, пообщаемся, позавтракаем вместе.

— Мама, я не хочу, — глухо отозвалась Виктория. Она была пугающе бледной и осунувшейся, под глазами залегли темные тени. — Меня воротит от любой еды, даже думать о ней не могу. Ничего не хочу... Я просто жду, когда позвонит Влад.

Аврора тяжело, сокрушенно вздохнула и снова присела на край кровати, всматриваясь в лицо дочери.

— А когда он звонил тебе в последний раз, Вика?

— На прошлой неделе, — тихо, едва слышно призналась Виктория, уставившись в одну точку на стене. — Он объявляется так редко... В основном его телефон просто отключён. Изредка пишет короткие смс: «Занят, подожди». Мам, я просто не понимаю, что мне делать, почему всё так...

Аврора прекрасно понимала, что этот парень попросту сбежал, оставив за собой выжженное поле. Ей мучительно не хотелось озвучивать эту горькую, добивающую правду, но в этот момент она внимательнее присмотрелась к дочери, и

её обдал ледяной ужас. Её и без того худощавая Викуся теперь напоминала живой скелет. Каждая косточка резко, остро обрисовывалась под просторной домашней одеждой, а кожа стала пугающе бледной, почти прозрачной. Осознав, что дочь угасает на глазах от истощения и её нужно немедленно спасать, Аврора кое-как уговорила её одеться, вывела под руку из дома и отвезла в приёмный покой районной больницы.

В больнице дежурный врач, немолодой мужчина с усталыми, понимающими глазами, долго и тщательно осматривал изнурённую девушку. Он задавал тихие наводящие вопросы о самочувствии, циклах и питании, что-то вдумчиво записывал в медицинскую карту, а затем, оторвав взгляд от бумаг, прямо спросил:

— Скажите, а вы не можете быть беременны? В этот миг Виктория словно очнулась от затяжного анабиоза. Мучительный, разрозненный пазл в её голове наконец со щелчком сложился в единую картину. Она торопливо вспомнила все свои странные симптомы последних недель — утреннюю тошноту, свинцовую слабость, внезапное отвращение к любимой еде — и поняла, что всё сходится. Сомнений не осталось: это была беременность.

Виктория испуганно, с немой мольбой посмотрела на мать. Аврора тут же крепко сжала её холодную ладонь, делась своим теплом.

— Не переживай, это всего лишь предположение, — мяг-

ко успокоила она дочь, стараясь не показать собственного страха. — Сейчас мы сходим на УЗИ, и всё сразу станет ясно.

— А если я и правда беременна? — голос Вики задрожал, на глазах вскипели слезы. — Как же учёба, моё будущее? Я же всё распланировала... А Влад... Мне нужно будет немедленно сообщить ему! Он ведь тогда точно заберёт нас как можно быстрее, он же хотел семью... — На мгновение на её измученном лице промелькнула слабая, робкая улыбка надежды.

В кабинете ультразвуковой диагностики было прохладно. Спустя пару минут сосредоточенного осмотра врач повернулась к притихшим Виктории и Авроре. Улыбнувшись, она поздравила их и спокойно сообщила, что срок составляет девять недель, плод развивается нормально.

Услышав это, Вика буквально соскочила с кушетки, ведомая слепым импульсом. Схватив со стола телефон, она дрожащими, непослушными пальцами принялась лихорадочно набирать номер Влада. Первые два вызова он грубо сбросил. Лишь на третий раз в трубке раздался его сонный и глубоко раздражённый голос:

— Зачем ты мне настырно натравливаешь эти звонки? Если я сбрасываю, значит, занят! У меня дела, — резко отрезал он.

— Влад, это очень важно, пожалуйста, послушай, — задышавшись от волнения и подступающих слез, быстро заговорила Вика, игнорируя его тон. — Я только что из кабинета

врача, из больницы. У меня для тебя новость... У нас будет ребёнок! Я на девятой неделе.

На том конце провода повисла тяжелая, ледяная тишина. А затем голос Влада изменился, став чужим и агрессивным, будто он никогда её не знал и между ними ничего не было:

— А зачем мне эта новость, Вика? Ты вообще думаешь головой? Ты знаешь, какие у меня сейчас проблемы с бывшей женой и судами, и решила накинуть мне ещё одну петлю на шею?! — закричал он в трубку так, что Аврора слышала каждое слово. — Ты меня ребёнком удержать не сможешь, ясно тебе?! Решай эту проблему сама, это твои дела!

Короткие, бездушные гудки оборвали связь. Виктория стояла посреди кабинета в глубоком, оглушающем шоке, медленно опуская руку с телефоном. Ей казалось, что в этот самый миг её сердце безжалостно растоптали, а всё её будущее превратили в дымящиеся руины. В её мыслях никогда не было места аборту — она, воспитанная в строгих правилах, всегда оставалась яркой противницей таких мер. Но девушка и представить не могла, что когда-нибудь сама окажется в столь жестком, глухом капкане безысходности.

Аврора молча шаг за шагом подошла к застывшей дочери и крепко, защищающе прижала её к себе, давая выплакаться.

— Не переживай, родная, — тихо, но удивительно твёрдо прошептала она, глядя плачущую Викторию по волосам. — Мы со всем справимся, слышишь? В нашей семье появится ещё один человек, которого мы будем безумно любить. Мы

воспитаем его вместе, и он будет любить нас. Мы сильные, мы вывезем.

В тот год Виктория так никуда и не поступила. Она была настолько морально раздавлена своими несчастными отношениями и предательством, что даже не подумала вовремя подать документы в приемную комиссию. Именно тогда, оставшись у разбитого корыта, преданная и опустошенная, она дала себе первое твердое, взрослое обещание: во что бы то ни стало встать на ноги, добиться успеха и больше никогда, ни при каких обстоятельствах ни от одного мужчины не зависеть.

В начале мая на свет появилась прекрасная Мия — светловолосая, синеглазая и удивительно милая девочка, унаследовавшая черты своего отца. А уже ранней осенью Виктория, проявив свою пробудившуюся железную волю, уехала в город учиться на юриста. Аврора с маленькой Мией, собрав нехитрые пожитки, отправились вместе с ней.

Это были черные, изнурительные времена, похожие на затяжной кошмар. Они едва выживали на крошечную зарплату официантки, которую Вика получала за ночные смены. Молодая мать разрывалась между тяжелыми лекциями, библиотеками и работой, возвращаясь домой под утро серой от усталости. Аврора в это время преданно, безропотно нянчила маленькую внучку в их крошечном, холодном съемном углу, умудряясь как-то варить супы из ничего и сводить концы с концами.

Окончив обучение с долгожданным красным дипломом, Виктория вместе с семьёй с триумфом вернулась в родной посёлок. Мия пошла в местный детский сад, а Виктория устроилась секретарем в администрацию. Именно тогда в ней и начал прорастать тот самый слепой, удушающий страх, который со стороны казался деспотизмом. Виктория смотрела на подрастающую Мию и видела в ней себя — такую же незащищенную, доверчивую девочку, которую этот мир однажды может безжалостно растоптать. Этот страх заставлял её требовать от дочери идеального поведения. Когда Виктория отчитывала Мию за малейшие провинности, за разбитую чашку или невнимательность, в её голосе звенела не злость, а скрытая паника: «Ты должна быть сильной, ты должна уметь справляться со всем сама!». Бабушка Аврора пыталась заступаться за внуку, напоминая, что Мия — всего лишь ребенок, но Виктория лишь горько отмахивалась: «Жизнь не будет с ней нянчиться, мама. Кто защитит её, если она вырастет слабой?».

Под этим постоянным, тяжелым давлением материнской тревоги Мия быстро научилась вести себя «правильно». Она росла послушной, прилежной и пугающе тихой для своего возраста, интуитивно стараясь не тревожить маму.

Когда девочка пошла в шестой класс, Викторию, выжавшую себя ради карьеры до капли, назначили главой посёлка. С этого момента на плечи Мии лег груз соответствия статусу. Теперь на неё смотрел весь посёлок, и Виктория, боясь

косых взглядов и осуждения — того самого стыда из своего детства, — подняла планку до предела. Она требовала от дочери только круглых пятерок, первых мест и безупречных манер. Но за этой жесткостью не было равнодушия: Виктория до полуночи сидела вместе с дочерью над сложными уроками, сама проверяла каждую строчку, отдавая все свои силы тому, чтобы сделать из Мии успешного человека, способного выстоять в одиночку. Дома день девочки был поминутно расписан графиком. И в этой сложной системе только бабушка Аврора оставалась островком безусловного покоя. Она не думала о будущем успехе внучки, а просто любила её — со всеми ошибками и капризами, даря Мие то мягкое тепло, которое Виктория, зажатая в тиски своего травматичного прошлого, разучилась проявлять, искренне считая мягкость главной слаб

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.